

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

«Цифровое детство»: протестный потенциал школьников (результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.)¹

Ссылка для цитирования: Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. «Цифровое детство»: протестный потенциал школьников (результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.) // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 108–128. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

For citation: Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y. “Digital childhood”: the protest potential of schoolchildren (results of a mass survey in the Stavropol region, 2020). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 108–128. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

**Бродовская
Елена Викторовна¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

brodovskaya@inbox.ru

AuthorID РИНЦ: 280399

**Домбровская
Анна Юрьевна¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

an-doc@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 768923

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема мобилизации школьных протестов в России и во всем мире. Исследователи ставят целью проанализировать протестный потенциал старшеклассников на примере одного из регионов России – Ставропольского края. Выбор данного исследовательского кейса объясняется рядом его характеристик. Ставрополье – это один из регионов – мишеней для внешнего информационного давления, это субъект Федерации, обладающий признаками рискогенного характера: многонациональный состав, моноэкономика, существенная социальная дистанция между стратами. Авторы формулируют гипотезу, согласно которой масштаб и характер влияния цифровых коммуникаций на выбор стратегии протестного поведения в большей степени зависит от места пользователя в информационном социально-медийном потоке и от его ценностных предпочтений и ориентаций.

В процессе проверки данного научного предположения проводится массовый опрос мето-

¹ Выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Детство в цифровом пространстве» (№ 20-010-00998 на 2020–2022 годы).

дом онлайн-анкетирования школьников Ставропольского края 15–18 лет (апрель – май 2020 г., N = 1250 респондентов, выборка репрезентативна по полу и территориальной принадлежности). Ключевой метод обработки базы данных – кластеризация методом K-средних (с применением программы SPSS Statistics 26.0) по следующим основаниям: характеристики политического поведения молодёжи в онлайн- и офлайн-пространствах и спектр типичных и допустимых реакций молодёжи на сообщения, призывающие к участию в акциях протеста.

Выявленные четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде Ставропольских старшеклассников: «зрители», «вовлеченные», «активисты», «лидеры», были проанализированы с позиций их ценностных ориентиров, места в пространстве социально-медийной коммуникации, специфики протестной активности.

Основными результатами исследования служит получение эмпирических свидетельств об особом ценностном профиле старшеклассников Ставрополя, имеющих наивысший протестный потенциал: деструктивные социальные установки и несформированность национально-государственной идентичности, которые комбинированы с максимальным прагматизмом жизненной стратегии. Авторы склонны диагностировать рискогенность представленной ситуации с позиций большого потенциала неконвенциональной направленности протестного поведения этих школьников в случае перевода их онлайн-активности в офлайн. Однако результаты исследования показали рассогласование ценностного выбора молодых «лидеров» и «активистов» протеста в сравнении с ценностными предпочтениями представителей кластеров «вовлеченных» и «зрителей». Это предопределяет низкую вероятность масштабирования хэдлинеров протеста среди школьников в Ставропольском крае.

Ключевые слова: протестный потенциал, старшеклассники, социальные медиа, онлайн-форматы протестной активности, типы протестного потенциала, иерархические позиции протестующих в социальных медиа, ценностные ориентации протестующих, массовый онлайн-опрос, кластерный анализ

Актуальность

В последние годы школьники стали проявлять политическую активность посредством участия в акциях, позволяющих выразить недовольство существующим порядком или действиями властей. По многим странам прокатились акции протеста, в которых активная роль принадлежала подросткам и ученикам старших классов. В октябре 2018 года высказывание премьер-министра Австралии Скотта Моррисона: «То, что мы хотим, – это больше обучения в школах и меньше активности в школах», взорвало школьников, которые организовывали протесты за сохранение климата. В ответ школьники организовали забастовки во всех столицах штатов под лозунгом «School Strike 4 Climate Action» [23]. В феврале 2019 года школьники Великобритании вышли «на забастовку» в рамках глобальной кампании действий по борьбе с изменением климата. Протесты имели место в более чем 60 городах, с приблизительно 15 000 участвующих. Форму акции запустила 15-летняя шведка Грета Тунберг, которая пропускала занятия, чтобы сидеть у правительственных зданий, обвиняя свою страну в несоблюдении Парижского соглашения по климату [18].

Дети в других странах последовали примеру десятков тысяч своих сверстников по всей Европе, которые проводили регулярные марши. Один из самых крупных протестов был проведен в Бельгии. Так, демонстрация в Льеже включала 15 000 человек, включая старших членов семей, присоединившихся к школьникам [17]. 15 марта 2019 г. молодые люди почти в 100 странах, включая Китай, Уганду, Новую Зеландию и Чили, провели забастовки в знак солидарности. Движение было главным образом организовано тремя школьниками: Вилласенор из Нью-Йорка, Хейвен Коулман из Колорадо и Исра Хирси из Миннесоты [19]. Другой пример связан событиями в Сербии. В июне 2019 года в Белграде десятки учеников школ митинговали в центре столицы, требуя отставки министра образования после того, как власти отложили экзамен по математике потому, что экзаменационные задания просочились в социальные сети. Размахивая транспарантами с надписями «Отставка» и «Вы украли наше будущее», дети маршировали, зажигали файеры и перекрывали движение транспорта [26].

Со «школьными протестами» Россия столкнулась двумя годами раньше. 26 марта 2017 года в десятках российских городов прошли антикоррупционные митинги, в которых значительную часть участников составили старшеклассники. В День России, 12 июня 2017 года прошла вторая волна протестных акций с массовым участием несовершеннолетних «цифровых граждан».

Настоящее исследование направлено на проверку гипотезы, согласно которой масштаб и характер влияния цифровых коммуникаций на выбор стратегии протестного поведения в большей степени зависит от места пользователя в информационном социально-медийном потоке и от его ценностных предпочтений и ориентаций. Для проверки данной гипотезы мы выбрали в качестве исследовательского пространства Ставропольский край.

Такая локализация обусловлена особыми характеристиками исследуемого субъекта РФ. Во-первых, Ставропольский край – часть федерального округа, являющегося мишенью для внешнего информационного давления. Во-вторых, Ставропольский край выражено обладает признаками рискогенного характера с точки зрения возможной взрывной социальной напряжённости: многонациональный состав, моноэкономика, существенная социальная дистанция между стратами и др.

Выбор в качестве эмпирического объекта исследования молодежи в возрасте 15–18 лет связан со стремлением исследовать установки и стратегии «цифровых граждан».

Изученность темы

Темы цифровой социализации новых поколений и мобилизации их протестного потенциала посредством социальных медиа привлекают внимание целого ряда исследователей. Рассматривая основные теоретические подходы к изучению виртуальной сетевой протестной активности в запад-

ной и отечественной социологии, С. Г. Ушкин выделяет пять основных направлений: теорию «умной толпы», теорию минимизации затрат, теорию сетей и потоков, теорию солидаризации и социального перформанса, теорию слактивизма. По замечанию автора, «сближает эти теории то, что в каждой из них социальные сети фактически рассматриваются как эффективный информационный, мобилизационный, солидаризационный и синхронизирующий ресурс, где минимизированы временные, финансовые и эмоциональные затраты» [15, с. 10]. В свою очередь, Р. В. Савенков, Д. В. Щеглова указывают на эвристический потенциал двух подходов к изучению политического протеста: теории коллективного действия и мобилизации политических возможностей. «Первый обусловлен доминированием в современном политическом сознании символических ценностей и влияния их на масштабы эмоциональной протестной мобилизации, а второй – необходимостью анализа баланса сил и ресурсов, которые создают условия для эффективности протестного действия» [11]. «Цифровые медиа добавили творческие и неполитические способы участия в социальной и политической жизни, которые не только часто образуют основу политического участия, но и, как представляется, во множестве повседневных контекстов оказываются встроенными в то, что в конечном итоге превращается в политически значимые действия», – считает Р. В. Парма [9, 109]. При этом формы гражданского участия в цифровой сети часто оказываются более эффективными, чем политические, что также может быть отнесено к характеру протестных действий в цифровой среде [9]. В ходе многолетнего мониторинга Л. С. Рубан [10] исследует, как идёт формирование ценностей, взглядов и самосознания молодёжи в разных регионах Российской Федерации, каков уровень правовой культуры и законопослушания школьников, какова протестная активность и потенциал молодых людей, каким образом можно оказывать соответствующее и своевременное педагогическое воздействие на школьную молодёжь для профилактики девиантного поведения и противоправных действий. По мнению исследователя, «в идеале социальные институты должны формировать нормативные установки и образцы социальной деятельности, указывая границы допустимого и недозволенного – ограничивая свободу действий, определяя поведение, не укладывающееся в общепринятые нормы как отклоняющееся, и прибегая при необходимости к принуждению для его пресечения, т. е. к частичному ограничению свободы. С другой стороны, социальные институты должны обеспечивать реализацию свободы – ведь наибольшую устойчивость нормы, ценности и представления, декларируемые социальными институтами, обретают только через интериоризацию индивидами, утрачивая свой внешний и принудительный характер». Необходимость исследования протестного потенциала для решения прогнозных задач подчёркивает в своих исследованиях Я. А. Цуканов. Автор приходит к выводу, что потенциальные протестные действия в социальном прогнозировании должны являться структурным элементом протестной активности и быть обозначены в её определении на первичной стадии

исследования, что позволит не упустить из «прогнозного поля» индикаторы протестного потенциала и на «выходе» получить комплексный социальный прогноз протестной активности. На стадии завершения разработки прогноза (на конечном этапе) протестной активности объект прогнозирования преобразуется в протестный потенциал, поскольку спрогнозированное протестное (социальное) действие ещё не совершено [16, с. 252].

Десятые годы войдут в историю и политическую теорию в качестве примера того, как «застывшая» или потенциально возможная волна массового политического протеста обрела силу и обрушилась на самые разные по своему типу режимы и системы. Россия, несмотря на самобытность политических традиций и очевидную гибридность политического режима, оказалась в тренде, явным проявлением которого является пусть и нелинейный, но всё же рост протестного потенциала и протестной активности в социуме. Обозначенные обстоятельства породили несколько линий научной дискуссии о причинах и факторах влияния в отношении роста протестных установок.

Первая линия связана с попыткой ответить на вопрос о том, является ли масштабирование протестных настроений следствием применения цифровых технологий? Один из ответов дан в работе А. С. Ахременко, Д. К. Стукала и А. П. Петрова, на материалах эмпирического исследования установивших, что «социальные сети способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал, который может затем выплёскиваться на улицу. Сетевые связи между индивидами в онлайн-среде родственны связям в физической реальности. Цифровые платформы могут выступать центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей» [1, с. 87]. Противоположное мнение выражено Р. Э. Бараш, В. В. Петуховым и Р. В. Петуховым, которые на основании исследований Института социологии РАН пришли к выводу о том, что потенциал политического и гражданского интернет-активизма оказался переоцененным, так как заметных различий в уровне активности между пользователями и непользователями социальных медиа не выявлено. Между тем цифровые коммуникации посредством «слабых сетей» вовлекли многих граждан в публичную политику, подтолкнули к участию в общественно-политической деятельности [2].

Вторая линия научной дискуссии отражает вопрос об изменении политической субъектности граждан. Иными словами, исследователи пытаются понять: становятся ли онлайн-пользователи более осознанными и самостоятельными в своём выборе стратегии политического, в том числе протестного, поведения? С одной стороны, ряд исследований свидетельствует о доминировании «псевдорационального» политического поведения социальных групп-мишеней управления интернет-контентом [3], [4].

С другой стороны, Н. Н. Седова убедительно демонстрирует трансформацию в мировоззренческих установках россиян, произошедшую после 2018 года. Фиксируется развитие Я-ориентированной модели

мировоззрения, когда на первый план выходит частная жизнь человека, а взаимодействие с окружающим миром оказывается, скорее, на периферии интересов [12].

Отдельное направление исследований репрезентирует расхождение мнений авторов в отношении модальности происходящих цифровых трансформаций. Позитивный вектор представлен в исследовании И. А. Бронникова, указывающего на то, что общество находится в активной фазе кризиса репрезентативной демократии и одновременно в процессе выработки политической субъектности «цифрового» поколения, самостоятельно создающего информационные поводы и новые виды кооперации, открытые для внешних связей [5, с. 73]. Тогда как расширение деструктивных практик молодёжи за счёт социальных интернет-сетей, где активизируется их неформальная самоорганизация, находится в центре внимания Л. В. Логиновой и В. В. Щеплановой [7].

Теоретический фундамент исследования составляют: концепция лидеров мнений П. Лазарфельда [22], теория мобилизации ресурсов, в частности классификация участников социальных движений Д. Маккарти и М. Зальда [27], концепция динамики протеста Дж. Джаспера [20], теория подталкивания Р. Тайлера [13, 14], теория цифрового гражданства К. Моссбергер [24, 25].

Методология исследования базируется на следующих подходах:

- сетевой подход (акторно-сетевая теория Б. Латура [21], отражающая идею относительно формирования и усиления акторов, прежде всего, во взаимодействии в сети);
- культурно-деятельностный подход (Л. С. Выготский [6], Ю. М. Лотман [8, с. 129–132]), позволяющий трактовать онлайн-сетевую коммуникацию в качестве дополнительного условия экстерииоризации и интериоризации.

Метод и выборка

Массовый опрос школьников Ставропольского края 15–18 лет осуществлён в формате онлайн-анкетирования (апрель – май 2020 г.). Выборочная совокупность составила 1250 респондентов, репрезентативна по полу и территориальной принадлежности (в соответствии со статистическими данными о представленности школьников 15–18 лет в муниципальных образованиях Ставропольского края). Ошибка выборки – с вероятностью в 95% не превышает 2,8%. В процессе отбора респондентов и их приглашения к участию в опросе по ссылке на электронную анкету использовались социальные сети «ВКонтакте», «Facebook» и микроблог «Twitter». В ходе обработки полученных эмпирических данных выборке подвергались все анкеты, имеющие незаполненные ответы, по итогам проверки осуществлен ремонт выборочной совокупности.

Кластеризация базы данных онлайн-опроса российской молодёжи осуществлена с применением программы SPSS Statistics 26.0. Перед применением кластерного анализа осуществлено преобразование исходных номинальных шкал в порядковые. Кластерный анализ методом K-средних реализовывался поэтапно в процессе обработки данных группировки по следующим параметрам: характеристики политического поведения молодёжи в онлайн- и офлайн-пространствах и спектр типичных и допустимых реакций молодёжи на сообщения, призывающие к участию в акциях протеста.

Данные характеристики социальной активности российской молодёжи стали основой кластеризации массива опросных данных, в ходе которой выделены четыре типа носителей разного уровня протестного потенциала в среде российской молодёжи: «зрители», «вовлечённые», «активисты», «лидеры».

Данная методика кластеризации применялась авторским коллективом в изучении стратегий цифрового гражданства российской молодёжи [4, с. 4–5]. Использование этой методики кластеризации в настоящем исследовании позволит выявить типы школьников по степени и характеру вовлеченности в протестную активность онлайн и офлайн, а также сопоставить удельный вес представителей этих различных кластеров среди ставропольских школьников и российской молодёжи в целом.

Результаты исследования

Согласно полученным данным (рис. 1), наименее численно представленным сегментом молодых россиян служит кластер «лидеров», их 5,6% среди старшеклассников школ Ставропольского края и 5,1% среди российской молодёжи. Этот кластер характеризуется готовностью осуществлять руководство и идейное сопровождение гражданских и политических протестных акций, это один из типов молодёжи, характеризующийся наибольшим уровнем протестного потенциала.

Ещё один редкий тип российской молодёжи – «активисты». Их 7,0% среди молодых россиян и ещё меньше среди старшеклассников Ставрополья – 4,5%. Они отличаются способностью к организационному сопровождению гражданских и политических акций, это своеобразные «правые руки лидеров», некий «менеджмент среднего звена» протестного движения. Их характерной чертой служит глубокая идейная поддержка протестных акций, бенефициями своего участия «активисты» видят реализацию идей социальной справедливости в их понимании, в отличие от «лидеров», центральной мотивацией которых, как правило, служит самопрезентация и самоутверждение в процессе мобилизации протестных настроений своей целевой аудитории.

Более трети опрошенной российской молодёжи (37,0%) и около пятой части старшеклассников Ставрополья (19,4%) – так называемые «вовлечённые» со свойственной им установкой на стороннее наблюдение

за политической и социальной жизнью страны, у них не наблюдается явно выраженных установок на деятельностный компонент в реализации протестного контекста гражданского активизма.

Наиболее распространённый кластер российской молодёжи – «зрители». И если в России в целом принадлежащих к этому кластеру 50,8%, то среди ставропольских школьников 15–18 лет – их 70,4%. Это, по сути, абсентеисты, изредка демонстрирующие пассивный интерес к гражданской и политической повесткам.

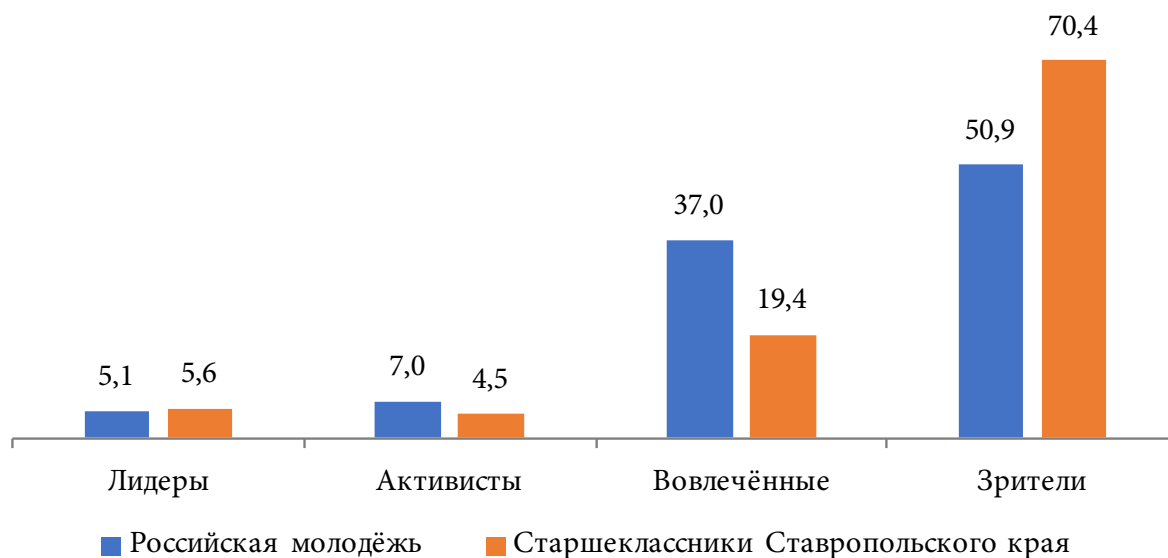

Рис. 1. Структура протестного потенциала российской молодёжи и социальной общности старшеклассников Ставропольского края, %

Figure 1. The structure of the protest potential of the Russian youth and the social community of high school students in the Stavropol Region, %

Таким образом, протестный потенциал старшеклассников Ставрополья существенно ниже среднероссийского показателя, характерного для молодёжи. Наиболее показательные эмпирические свидетельства абсентеичности и отстранённости школьников Ставрополья 15–18 лет представлены в распределениях их ответов на вопросы о частоте получения ими сообщений, призывающих к участию в акциях протеста, реакции на эти сообщения и вопрос о проблемах, поднимаемых в этих сообщениях (см. рисунки 2–4).

Согласно данным представлениям (рис. 2), модальным ответом ставропольских старшеклассников на вопрос об их реакции на получение сообщений, направленных на мобилизацию протестной активности, служит вариант «Не сталкивался с такими сообщениями» (44,3%). При этом аналогичный показатель, характерный для молодых россиян в целом, вдвое ниже – 20,8%. Совершенно очевидно, что в цифровом пространстве распространение таких сообщений, адресованных молодому поколению, происходит довольно равномерно, и, разумеется, не приходится говорить об отсутствии интереса онлайн-сетевых лидеров мобилизации протеста к отдельным регионам. Исходя из этого, следует заключить, что школьники Ставропольского края оставляют меньше

цифровых следов заинтересованности в вовлечении в протестную активность, что обуславливает менее активный «информационный обстрел» их аккаунтов в социальных медиа со стороны онлайн-лидеров протеста. Совокупно с теми ставропольскими школьниками 15–18 лет, которые игнорируют подобные сообщения (33,5%), доля всех ставропольцев этого возраста, не вовлечённых в протестную повестку с помощью призывов к участию в протестных акциях, составляет 77,8%, то есть абсолютное большинство опрошенных. Ещё чуть менее четверти (23,9%) ставропольских старшеклассников всё же прочитывают и внимательно знакомятся с ситуацией в ответ на получение протестно-ориентированных сообщений в социальных медиа. Однако этот интерес не имеет деятельностной основы, характерной лишь для статистически незначимой части старшеклассников Ставропольского края – только 3,3% респондентов заявили об обязательном участии в протестных акциях как реакции на полученные в социальных медиа призывы к протестной активности. Что касается такого формата реакции, как «общение с организаторами» на предмет оказания поддержки (5,7%) и «поиска единомышленников в своём кругу» (4,2%), то эта совокупно десятая часть школьников 15–18 лет Ставрополья, по сути, демонстрирует активную позицию по отношению к возможности быть ведущей силой протеста.

Рис. 2. Структура реакций на получение сообщений, направленных на мобилизацию протестной активности¹, %

Figure 2. The structure of reactions to receiving messages aimed at mobilising protest activity, %

¹ Сумма ответов на вопрос старшеклассников Ставропольского края больше 100%, так как вопрос допускал больше одного ответа одновременно [The sum of answers to the question of high school students in the Stavropol Region is above 100%, since the question allowed more than one answer simultaneously].

Рисунок 3 показывает разницу в интенсивности получения призывов к участию в протесте ставропольскими старшеклассниками и молодыми россиянами в целом. Фактически лишь десятая доля опрошенных Ставропольцев фиксирует высокую регулярность и интенсивность получения подобных писем в социальных медиа (9,4%), что втрое меньше аналогичного показателя среди всех молодых россиян. Также почти вдвое больше процент ставропольских старшеклассников, не охваченных, по их заявлению, данным типом информационных касаний в сравнении с долей молодого поколения россиян с аналогичной ситуацией (30,9% против 55,8%). Исходя из этого, следует сделать вывод о значительно меньшей представленности в ставропольском сегменте социальных медиа протестного контента в сопоставлении с распространенностью соответствующих информационных потоков в пространстве социальных медиа Рунета.

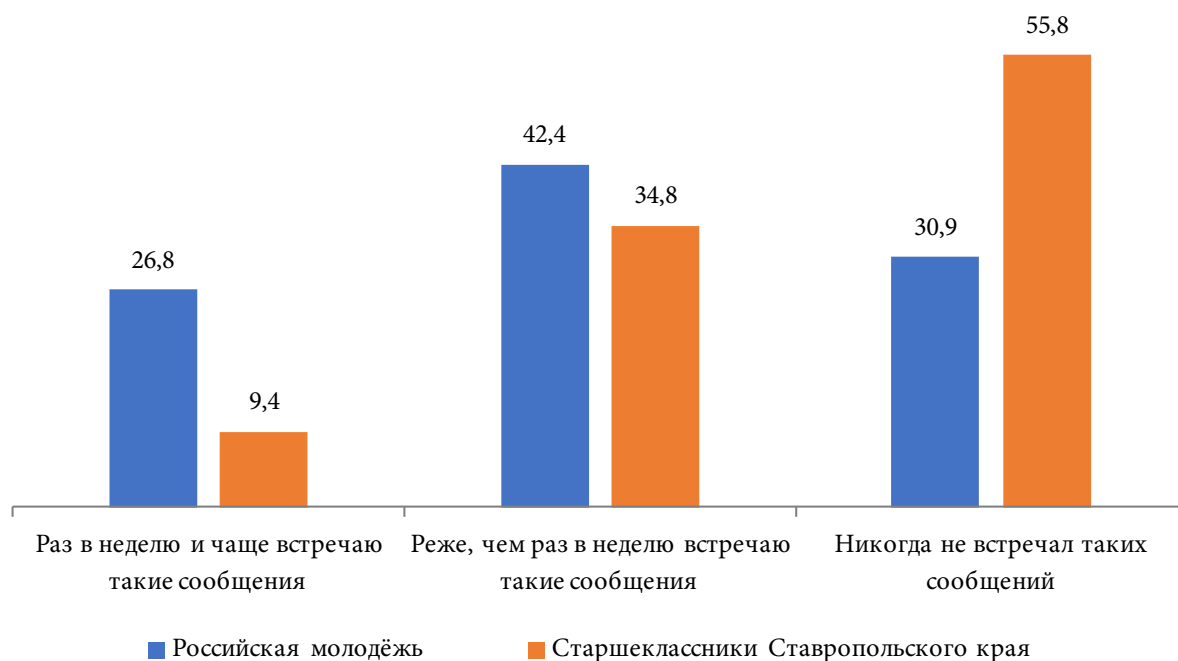

Рис. 3. Интенсивность получения призывов к участию в протесте, %
Figure 3. Repertoire of the protest information flow aimed at young people in social media, %

Анализируя тематический репертуар протестно-ориентированных сообщений, получаемых ставропольскими школьниками 15–18 лет (см. рис. 4), отметим, что почти четверть респондентов (23,7%) идентифицировали основную тему подобных сообщений как «борьба с коррупцией», почти пятая часть (18,6%) опрошенных назвали главной темой таких писем «ущемление прав граждан», примерно такая же доля респондентов отметила, что ведущая тема – «несправедливость решений Правительства РФ» (17,7%). Указанные тематические доминанты фактически полностью повторяют ключевые темы, характерные для призывов к участию в протестах, полученные молодыми россиянами в целом, однако, с гораздо меньшей статистической выраженностью (см. рис. 4).

Рис. 4. Репертуар протестного информационного потока, направленного на молодежь в социальных медиа, %

Figure 4. Repertoire of the protest information flow aimed at young people in social media, %

Исходя из этого, отметим, что в ходе распространения информационных потоков, нацеленных на мобилизацию протестной активности, в сегменте ставропольских социальных медиа делаются ставки на те же триггеры протестных настроений, что и во всём пространстве Рунета, – «социальная несправедливость и неравенство», «гражданские несвободы», «обвинение Правительства РФ в существующих в стране социальных и экономических проблемах».

В итоге следует сделать заключение о том, что, несмотря на значительно более низкий уровень протестной повестки, характерной для ставропольских старшеклассников в сравнении с таковым уровнем у российской молодежи в целом, всё же число «лидеров» и «активистов» протестной деятельности обеих целевых аудиторий исследования вполне сопоставимо. Так называемые «профессиональные революционеры», как правило, исходят не из объективного состояния социальной и экономической сфер, не учитывают объективные факторы социального и экономического развития региона, страны, они готовы поддерживать активность по конструированию проблем, созданию и распространению протестной повестки.

Подтвердить эти заключения позволяют кросс-табуляционные данные, показывающие сопряжение между принадлежностью ставропольских старшеклассников к кластерам, выделенным по уровню протестного потенциала, и распространённостью среди этих типов респондентов различных форматов политической и гражданской активности. Потенциал

готовности «лидеров» и «активистов» к мобилизации протестных настроений среди своего окружения и целевых групп отражен в довольно значительной распространённости в этих кластерах следующих типов активности (см. рис. 5): получение информации из актуальных политических ресурсов оппозиционных политических сил (45,2% «лидеров» и 37,3% «активистов»); участие в деятельности онлайн-сообществ, обсуждающих политические темы (45,2% «лидеров» и 33,9% «активистов»); ведение блога или видеоблога, затрагивающего политические темы (31,5% «лидеров»); организация группы волонтеров, добровольцев для участия в мероприятиях политического характера (23,3% «лидеров» и 13,6% «активистов»), модерирование онлайн-сообщества политического толка (21,9% «лидеров»).

Рис. 5. Распространённость политической активности в разных группах старшеклассников Ставропольского края, %

Figure 5. The prevalence of political activity in different groups of high school students in the Stavropol Region, %

Сопоставление распространённости пассивных (получение информации о политической жизни страны) и активных (производство и опубликование собственного политико-ориентированного контента, ведение

собственных онлайн-сообществ, блогов и т. д.) среди старшеклассников Ставрополья, принадлежащих к различным кластерам, подтверждает первую часть выдвинутой авторами гипотезы – предположение о зависимости стратегии протестного поведения пользователя от его места в информационном социально-медийном потоке. «Лидеры» и «активисты» занимают позицию драйверов информационных потоков политического и гражданского содержания.

Вторая часть гипотезы, представленная в постановочной части статьи, касающаяся возможной взаимосвязи стратегии протестного поведения старшеклассников и их ценностных предпочтений и ориентаций, подтверждается данными рисунка 6.

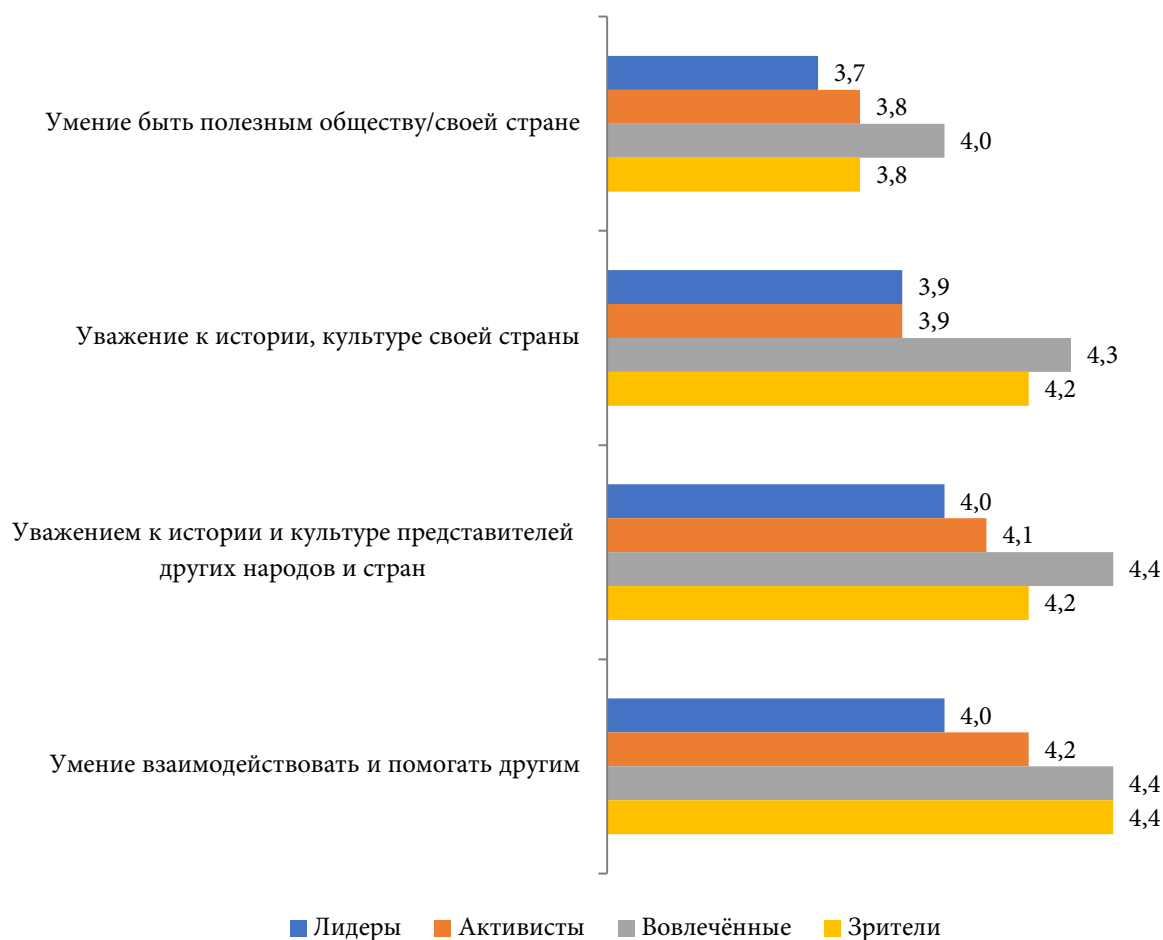

Рис. 6. Оценка развитости указанных способностей / личностных качеств в разных группах старшеклассников Ставропольского края, в баллах: 1 – абсолютно нет способности; 5 – максимально развита
Figure 6. Evaluation of the development of mentioned abilities / personal qualities in different groups of high school students in the Stavropol Region, in points: 1 – absolutely no ability; 5 – developed to its maximum

У «лидеров», по их оценкам, ниже, чем у всех остальных, развито уважение к истории и культуре своей страны и других народов и стран, ниже, чем у остальных, развито умение помогать другим, менее развито умение быть полезным обществу/своей стране. Другими словами, «лидеры» – несколько в большей степени прагматики, чем представители

остальных кластеров, «лидеры» в своей активности по конструированию критических настроений среди своего окружения и целевых сообществ исходят не из целей социального развития общества, в меньшей степени, чем остальные, осознают необходимость уважения к историко-культурному наследию Родины.

Мотивы, побуждающие «лидеров» к реализации присущей им стратегии протестной активности, можно «извлечь» из их ценностных ориентаций, представленных на рисунке 7.

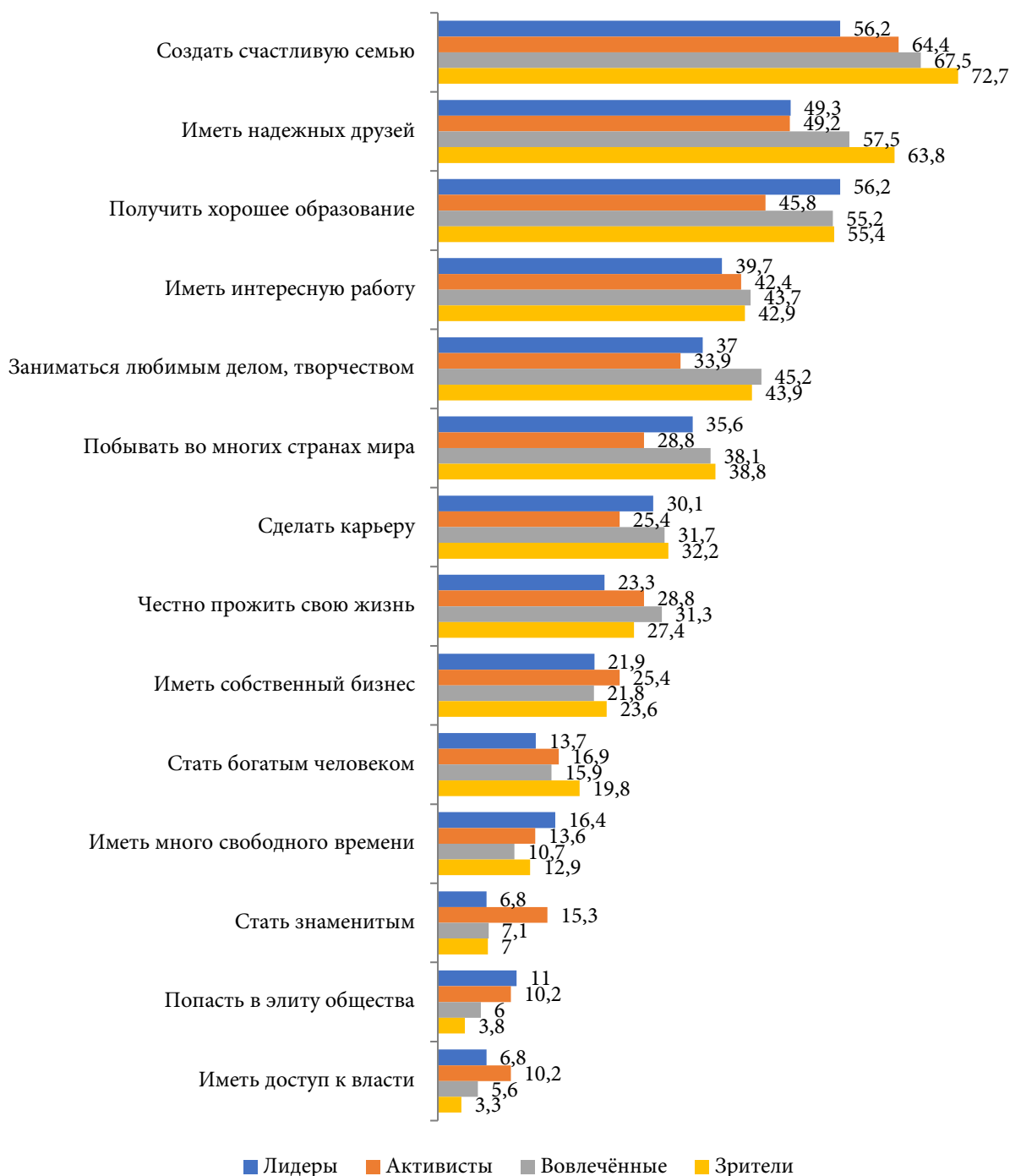

Рис. 7. Ценностные ориентации разных групп старшекласников Ставропольского края, %

Figure 7. Value orientations of different groups of high school students in the Stavropol Region, %

Согласно данным рисунка 7, в более явном выражении у «лидеров» протестной активности представлены такие прагматичные ценности, как «попасть в элиту общества» (11,0% против 3,8% – у «зрителей») и «получить хорошее образование» (56%), что показательно характеризует мотивацию их социальной позиции и действий. Напротив, такая ценность, как «прожить свою жизнь честно», у «лидеров» представлена значительно меньше – 23,3% против, например, 31,3% – у «вовлечённых». Отметим также, что среди своих версий ответов на вопрос о жизненных приоритетах «лидеры» указали «Помогать Навальному», «Уехать из России», что отражает их неконвенциональную позицию и негативную государственную идентичность.

Таким образом, вторая часть гипотезы о значимости специфики ценностных ориентиров в процессе формирования стратегии протестной активности также подтвердилась: активные и неконвенциональные политические и гражданские стратегии «лидеров» взаимосвязаны с их прагматическими ценностями, в отдельных случаях – безусловно критическим отношением к действующей власти и негативной государственной идентичностью.

Социально-демографическое портретирование старшекласников, принадлежащих к различным кластерам протестного потенциала, показало, что отличия в возрасте и гендерной принадлежности «лидеров», «активистов», «вовлечённых» и «зрителей» выражены довольно слабо. Наблюдается едва заметный перевес юношей среди «активистов» (5,4% – юношей, 4,0% – девушек), а также представительниц феминной гендерной группы среди «зрителей» (71,2% – девушек и 69,1% – молодых людей). Также фактически статистически незначимая разница наблюдается в возрасте кластеров: 18-летних немного больше (6,5%), чем 15-летних (5,7%). Эти данные также свидетельствуют о преимуществе таких факторов формирования протестного потенциала, как ценностные ориентации старшекласников и их место в иерархии ролей в социальных медиа и несущественной значимости социально-демографических характеристик целевой аудитории исследования в данном процессе.

Выводы

В последние годы «детские протесты» или, иными словами, протестные акции с участием подростков и старшекласников школ перестали быть исключительными практиками, о чём свидетельствуют многочисленные, прежде всего, зарубежные примеры мобилизации несовершеннолетних граждан. Данная тенденция проявляет себя и в России, что связано с таргетированным управлением информационными потоками в социальных медиа. Так, каждый третий старшекласник Ставропольского края ежемесячно получает «приглашение» принять участие в акции протеста. При этом вовлечённые в протестную информационную повестку молодые «цифровые граждане» исследованного

субъекта федерации чётко идентифицируют репертуар протеста в российских социальных медиа: борьба с коррупцией, защита ущемлённых прав, недовольство несправедливыми решениями правительства. Учитывая тот факт, что аналогичная идентификация социально-медийного репертуара гражданского и политического протеста была зафиксирована ранее в рамках всероссийского исследования молодёжи, можно сделать вывод относительно сложившейся информационно-коммуникационной инфраструктуры и лидеров общественного мнения протеста в РФ.

Ярким маркером роста протестного потенциала в обществе является политизированность подростков и молодых людей, не достигших совершеннолетия. Несмотря на то, что в ролевой структуре молодых онлайн-пользователей – носителей протестных настроений в Ставропольском крае доля «вовлечённых» существенно ниже, чем в целом по стране, количество «лидеров» и «активистов» вполне сопоставимо с общефедеральными данными. «Лидеры» и «активисты» протеста — это действующее ядро, как правило, переносящее гражданскую и политическую активность в онлайн-пространство. Важно отметить, что их число среди школьников старших классов в Ставропольском крае не меньше, чем в среднем по России. Тревожным фактом выступают данные, согласно которым молодые «драйверы» протеста на Ставрополье обладают особым ценностным профилем: деструктивные социальные установки и несформированность национально-государственной идентичности соседствуют с предельным прагматизмом личных жизненных целей. Опасность представленной ситуации заключается в том, что переведённый из онлайн в офлайн протестный потенциал носителей такого ценностного профиля, с большой долей вероятности, приобретёт неконвенциональную направленность. Вместе с тем позитивным является несоответствие ценностного выбора молодых «лидеров» и «активистов» протеста исследуемого региона ценностному запросу «вовлечённых» и «зрителей», благодаря чему в ближайшее время масштабирование числа драйверов протеста среди школьников в Ставропольском крае не предвидится.

Дальнейшее исследование протестного потенциала школьников предполагает проведение мониторинговых замеров для определения динамики изменения настроений. Для более полного и объёмного представления о ситуации следует расширить набор применяемых методов исследования. Для определения мотиваций и ценностей потенциальных участников протестных действий помимо онлайн-опроса требуется применение глубинных онлайн-интервью. Социологические методы исследования следует дополнить методами киберметрического анализа, в частности апробированной методикой исследования политических процессов по цифровым маркерам в социальных медиа [3]. Отработка различных методов на одном регионе позволяет построить общую гибридную методологию, которую можно будет масштабировать на «проблемные» кейсы, весь СКФО и всю Российскую Федерацию. Одной из возможных перспектив исследования может стать сравнительное исследование про-

тестного потенциала школьников и студентов для определения социальных, институциональных и коммуникативных факторов политической социализации.

Библиографический список

1. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06

2. Бараш Р. Э., Петухов В. В., Петухов Р. В. Информационно-коммуникационные факторы формирования новых практик гражданского активизма // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4 (12). С. 99–125.

3. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 79–104. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06

4. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01

5. Бронников И. А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64–78.

6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1–6. М., 1982–1984. URL: <http://ипби.пф/images/Bibl/SSV1.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

7. Логинова Л. В., Щепланова В. В. Деструктивная гражданская активность молодёжи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. №. 2. С. 98–108. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9

8. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. 479 с.

9. Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодёжи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(6). С. 100–110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110

10. Рубан Л. С. Современное девиантное поведение и отношение молодёжи к его проявлениям // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 318–333. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333

11. Савенков Р. В., Щеглова Д. В. Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 555–563. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563

12. Седова Н. Н. Самодостаточность и активизм в мировоззренческих установках россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 9–25. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

13. Талер Р., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Пер. с англ. Е. Петровой М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.

14. Талер Р. От Homo economicus к Homo sapiens // Логос. 2014. № 1(97). С. 141–154.

15. Ушкин С. Г. Теоретико-методологические подходы к изучению сетевой протестной активности: от «умной толпы» к «слактивизму» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 3–12. DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.01

16. Цуканов Я. А. Теоретико-методологические основы социального прогнозирования протестной активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. №5. С. 248–254. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-248-254

17. British schoolchildren to join Europe-wide protest “strikes” over climate change. The World Economic Forum. 01 Feb. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/belgian-school-children-on-strike-protest-climate-change/> (дата обращения: 01.06.2020).

18. Climate strike: Schoolchildren protest over climate change. BBC. 15 February 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-47250424> (дата обращения: 01.06.2020).

19. “It Will Be Too Late for My Generation”. Meet the Young People Organizing a Massive Climate Change Protest // TIME. 14 March, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/5550823/climate-change-protest-schoolchildren/> (дата обращения: 01.06.2020).

20. Jasper J. M., Duyvendak J. W., eds. Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 322 p.

21. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. N. Y.: Oxford University Press, 2005. 301 p. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

22. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People’s Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign. N. Y.: Columbia University Press, 1944. 384 p.

23. Less activism, more learning – Australia’s PM rebukes schoolchildren protesting climate change. CNN. November 26, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/26/australia/australia-pm-climate-protest-scli-intl/index.html> (дата обращения: 01.06.2020).

24. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Massachusetts: The MIT Press, 2007. 240 p.

25. Mossberger K., Wu Y., Crawford J. Connecting citizens and local governments? // *Social media and interactivity in major U. S. Cities Government Information Quarterly*. 2013. № 30 (4). P. 351–358. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.016

26. Serbian schoolchildren protest over maths test leak // REUTERS. June 19, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-protests-students/serbian-schoolchildren-protest-over-maths-test-leak-idUSKCN1TK21A> (дата обращения: 01.06.2020).

27. Zald M. N., McCarthy J. D. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick, N. J., 1987. 435 p.

Статья поступила 17.12.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бродовская Елена Викторовна, доктор политических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

“Digital Childhood”: The Protest Potential of Schoolchildren (Results of a Mass Survey in the Stavropol Region, 2020)

The article was prepared based on the results of studies carried out as part of the implementation of the RFBR grant “Childhood in the Digital Space” (No. 20-010-00998 for 2020–2022).

Elena V. Brodovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: brodovskaya@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0001-5549-8107

Anna Yu. Dombrovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: an-doc@yandex.ru;

ORCID ID: 0000-0002-2015-2349

For citation: Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., “Digital childhood”: protest potential of schoolchildren (results of the mass pool in Stavropol region in 2020). *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 108–128. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.777

Abstract. The article deals with the actual problem of mobilising school protests in Russia and around the world. The researchers aim to analyse the protest potential of high school students on the example of one of the regions of Russia – the Stavropol region. The choice of this research case is explained by a number of its characteristics. The Stavropol region is one of the regions targeted by the pressure of external information. It is a subject of the Federation that has signs of a risky nature: a multinational composition, a mono-economy, a significant social distance between strata.

The authors formulate a hypothesis according to which the scale and nature of the influence of digital communications on the choice of protest behaviour strategy to a greater extent depends on the user’s place in the informational social media flow and on his value preferences and orientations.

In the process of verifying this scientific assumption, a mass survey by online questionnaire method was conducted among schoolchildren in the Stavropol region aged 15–18 years (April–May 2020, N = 1250 respondents, the sample is representative by gender and territorial affiliation). The key database processing method is K-means clustering (using SPSS Statistics 26.0) on the following grounds: the characteristics of the political behaviour of young people in online and offline spaces and the range of typical and acceptable reactions of young people to messages calling for participation in protests.

The identified four types of carriers of different levels of protest potential among Stavropol high school students: “spectators”, “involved”, “activists”, “leaders”, were analysed from the standpoint of their value orientations, their place in the space of social media communication, and the specifics of protest activity.

The main results of the study are empirical evidence of a special value profile of Stavropol high school students who have the highest protest potential: destructive social attitudes and an unformed national-state identity, that are combined with the maximum pragmatism of a life strategy. The authors tend to diagnose the risk level of the presented situation from the standpoint of the great potential of the non-conventional orientation of the protest behaviour of these schoolchildren in the event that their online activity is transferred offline. However, the results of the study showed a discrepancy between the value choices of young “leaders” and “activists” of the protest in comparison with the value preferences of the representatives of the “involved” and “spectators” clusters. This predetermines the low probability of scaling protest headlines among schoolchildren in the Stavropol region.

Keywords: protest potential, high school students, social media, online formats of protest activity, types of protest potential, hierarchical positions of protesters in social media, protesters’ value orientations, mass online survey, cluster analysis

References

1. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Web or text? Drivers of Protest Spread on Social Media: Theory and Data Analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020: 2: 73–91 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
2. Barash R. E., Petukhov V. V., Petukhov R. V. Information and communication factors in the formation of new practices of civic activism. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2015: 4 (12): 99–125 (in Russ.).
3. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N. Development of methodology and techniques for intelligent search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i social'nye peremeny*, 2017: 5: 79–104 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.06
4. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i social'nye peremeny*, 2019: 5: 3–18 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01
5. Bronnikov I. A. Crisis of representative democracy and new practices of civic activism. *PolitBook*, 2018: 1: 64–78 (in Russ.).
6. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenij: V 6 t. [Collected works: In 6 volumes]. Vol. 1–6.* Moscow, 1982–1984. Accessed 06.01.2020. URL: <http://ipbi.rf/images/Bibl/SSV1.pdf> (in Russ.).
7. Loginova L. V., Shcheblanova V. V. Destructive civic activity of young people: theoretical and methodological conceptualization. *Logos et Praxis*, 2019: 18: 2: 98–108 (in Russ.). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.9
8. Lotman Yu. M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text]. In *Selected articles. Vol. 1.* Tallinn, 1992: 479 (in Russ.).
9. Pırma R. V. Protest moods of Russian youth in the digital network. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2019: 9 (6): 100–110 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110
10. Ruban L. S. Today's deviant behavior and the youth's attitudes to its manifestations. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2018: 18: 2: 318–333 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333
11. Savenkov R. V., Shcheglova D. V. Theories of collective behavior and resource mobilization: elaboration on the concepts for the analysis of political protest. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*, 2018: 20: 4: 555–563 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563
12. Sedova N. N. Self-Sufficiency and Activism in the Worldview of Russians. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2019: 4: 9–25. (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

13. Thaler R., Sunstein K. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Transl. from Eng. by E. Petrova. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2017: 240 (in Russ.).
14. Thaler R. From Homo economicus to Homo sapiens. *Logos*. 2014: 1 (97): 141–154 (in Russ.).
15. Ushkin S. G. Methodological approaches towards studying network protest activity: from the “smart crowd” towards “slactivism”. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2015: 3: 3–12 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.01
16. Tsukanov Ya. A. Theoretical and methodological foundations of social forecasting of protest activity. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, 2017: 12: 5: 248–254. (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-248-254
17. British schoolchildren to join Europe-wide protest “strikes” over climate change. The World Economic Forum. 01 Feb. 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/belgian-schoolchildren-on-strike-protest-climate-change/>
18. Climate strike: Schoolchildren protest over climate change. BBC. 15 Feb. 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-47250424>
19. “It Will Be Too Late for My Generation”. Meet the Young People Organizing a Massive Climate Change Protest. TIME. 14 March, 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://time.com/5550823/climate-change-protest-schoolchildren/>
20. Jasper J. M. and Jan Willem Duyvendak, eds. *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2015: 322.
21. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. N. Y.: Oxford University Press, 2005: 301. Accessed 01.06.2020. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf>
22. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People’s Choice. How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. New York, Columbia University Press, 1944: 384.
23. Less activism, more learning – Australia’s PM rebukes schoolchildren protesting climate change. CNN. November 26, 2018. Accessed 01.06.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/26/australia/australia-pm-climate-protest-scli-intl/index.html>
24. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. *Digital Citizenship: The Internet, Society and Participation*. Massachusetts, The MIT Press, 2007: 240.
25. Mossberger K., Wu Y., Crawford J. Connecting citizens and local governments? *Social media and interactivity in major U. S. Cities Government Information Quarterly*. 2013: 30(4): 351–358.
26. Serbian schoolchildren protest over maths test leak. REUTERS. June 19, 2019. Accessed 01.06.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-protests-students/serbian-schoolchildren-protest-over-maths-test-leak-idUSKCN1TK21A>
27. Zald M. N., McCarthy J. D. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick, New Jersey, 1987: 435.

The article was submitted on: December 17. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, Director of the Center for Political Studies, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Anna Y. Dombrovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Political Science, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia